

Л.З. Кунцевич

**Экскурсия на Кавказ и в Крым окончивших
курс Киево-Печерской гимназии в 1898 году**

УДК 93
ББК 63.3
К91

К91 **Кунцевич Л.З.**
Экскурсия на Кавказ и в Крым окончивших курс Киево-Печерской гимназии в 1898 году / Л.З. Кунцевич – М.: Книга по Требованию, 2012. – 40 с.

ISBN 978-5-458-05920-6

ISBN 978-5-458-05920-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стоянной жизни съ тѣмъ, что было впереди, въ обстановкѣ заманчиваго путешествія. Я находился теперь какъ бы по другую сторону жизни, въ иномъ—новомъ для меня мірѣ. И какъ все новое, такъ и этотъ моментъ отъѣзда заставлялъ сильнѣе биться мое сердце. Изъ всѣхъ явленій жизни и природы я болѣе всего люблю ранній моментъ утра и только что начинающееся развитіе жизни: есть что-то чудное, свѣжее, полное надежды и вѣры въ этихъ моментахъ! Но это бываетъ только едва уловимый моментъ и онъ такъ быстро проходитъ, что мы не замѣчаемъ его; мы думаемъ, что счастье находится въ совершенно другомъ, въ исполненіи нашихъ желаній, а этотъ-то моментъ, всего нѣсколько сладкихъ біеній сердца и было то настоящее счастье, которое скользнуло по насъ, какъ тѣнь. Полнаго счастья нѣтъ и не можетъ быть для человѣка!

Быстро промелькнули мимо живописные виды окрестностей Кіева, а за ними и станціи: Триполье, Переяславъ.

На одной изъ нихъ сѣла на пароходъ бродячая еврейская музыка и лихо отхватывала вальсъ въ унисомъ съ элегическими картинами тихаго Днѣпра. Въ 7 часовъ вечера мы были уже у Канева и приближались къ мѣсту могилы Шевченко. Погода разыгралась. Бѣлыя и сѣрыя облака блуждали по небу, какъ остатки разбитой грозной арміи; солнце между промежутками облаковъ свѣтило золотистымъ, яркимъ свѣтомъ, блестящимъ на мелкой, чистой ряби воды. На правомъ крутомъ берегу Днѣпра, на холмѣ среди зелени виднѣлась могила Шевченко съ большимъ бѣлымъ крестомъ. Возлѣ стоитъ избушка и нѣсколько зеленыхъ деревьевъ. Здѣсь-то, среди родной природы, среди скромной, но чудной картины, почилъ тотъ, кто имѣлъ „великое сердце“! Невольно вспоминались слова поэта:

Поховайте мене край долины
Средь степу широкого на Украинѣ милой,
Що бь степы широкополы и Днѣпро и кручи
Були видны й было чути, якъ реве реучій.

Нельзя было оторвать глазъ отъ разстилавшейся предъ глазами картины, нельзя было остановиться въ своихъ мысляхъ, быстро набѣгавшихъ и волновавшихъ душу. Много говорило это мѣсто сердцу и уму! Пароходъ шелъ близко къ противоположному лѣвому берегу; тростникъ у ровнаго, зеленаго берега, тихо колеблемый волнами, казалось, шепча, рассказывалъ свои воспоминанія о поэтѣ, видѣвшемъ

эти мѣста широкаго, могучаго Днѣпра, и понялъ я всѣмъ существомъ своимъ, что значать слова Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Скоро свечерѣло. Подуло вечерней прохладой. Зажгли огни на пароходѣ и на маякахъ у берега, зажглись огоньки и на синемъ небѣ. Тихій сумракъ спустился на землю. Колеса совершали свою монотонную работу, шумъ ихъ то повышался, то понижался.... Мы собрались въ кружокъ и затынули пѣсню, но капельмейстеръ ли былъ плохой, или не въ такомъ порядкѣ мы размѣстились, только пѣніе наше скоро замолкло, какъ шипѣніе испорченнаго часового механизма. Впрочемъ, чувствовалась сильная усталость и всѣ мы вскорости, поужинавъ, улеглись на покой подъ ублаживающей стукъ парохода.

Нѣтъ надобности описывать мелкія подробности нашего путешествія отъ Екатеринослава до станціи Минеральныя воды на Владикавказской желѣзной дорогѣ. Нѣтъ нужды описывать, во сколько часовъ мы вставали, когда пили чай и куда во сколько времени отправлялись, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые обстоятельные авторы, тѣмъ болѣе что въ этой части пути мы нигдѣ подолгу не останавливались, спѣша скорѣе на Кавказъ. Необходимо развѣ упомянуть объ обстановкѣ, среди которой мы совершали свое путешествіе. Насъ было всего 25 человекъ, нашъ глава В. И. Петръ и три преподавателя. Общество Юго-Западн. жел. дор., благодаря Н. С. Макарову, предоставило намъ цѣлый отдѣльный вагонъ новаго устройства. Вагонъ былъ, что называется, шикар-ный; всѣ мы весьма удобно размѣстились въ немъ, и какъ хорошо, какъ пріятно было среди своей компаніи! Поѣздъ быстро мчалъ насъ черезъ широкія степи, мелькали мимо насъ и зеленыя рѣчки, и степныя балки, и разныя станціи съ ихъ колокольнымъ русскимъ трезвонномъ! Мнѣ даже кажется, что мы недостойны были того, что предоставлено было намъ. Все это было какъ въ сказкѣ: насъ кормили, возили изъ города въ городъ, изъ одного края въ другой, показывали намъ все, что есть лучшаго на бѣломъ свѣтѣ: и чудный Кавказъ, и море, и Крымъ, предоставляли намъ то, что стоитъ тысячи, но спрашивается, каковы мы были сами, что мы думали и чувствовали?

Въ Екатеринославѣ мы пробыли всего нѣсколько часовъ и почти не осматривали города, предполагая какъ слѣдуетъ осмотрѣть все на обратномъ пути. Впрочемъ, нѣкоторые изъ моихъ товарищей успѣли облетѣть на конкѣ чуть-ли не весь городъ, осмотрѣли памятникъ Екатерины II, дворецъ Потемкина и проч. Только въ Ростовѣ мы остановились на полдня, пробывъ въ немъ отъ 7 час. вечера до 11 час. утра слѣдующаго дня. Но и здѣсь мы не осматривали ни фабрикъ, ни другихъ достопримѣчательностей. Только часть товарищей изъ пожелавшихъ рано утромъ ѣздили осматривать знаменитую Нахичевань, я не ѣздилъ съ этой кампаніей и предпочелъ лучше осмотрѣть Ростовъ. Болѣе всего мнѣ понравилось въ немъ заведеніе крытыхъ рынковъ, которыя представляютъ большія удобства и совершенно преображаютъ безпорядочный, неряшливый видъ нашихъ базаровъ. Хороша главная Садовая улица: шумная и богатая! Но лучше всего въ Ростовѣ его кормилецъ—Донъ. И какая чудная панорама открывается на городъ съ желѣзнодорожнаго моста! Тихій, кроткій Донъ медленно катитъ свои волны, вдали лѣсъ мачтъ и флаговъ, на горѣ, среди массы домовъ, блеститъ серебряными куполами городской соборъ, а впереди, по другую сторону, противоположную городу, ширь необъятныхъ, свободныхъ степей! Огненный конь, какъ птица, понесъ насъ черезъ тѣ пространства, которыя раньше проходились мѣсяцами, съ большими трудами и лишениями.

Минеральныя Воды.

Рано утромъ 16 іюня мы подъѣзжали къ станціи „Минеральныя воды“ на Владикавказской желѣзной дорогѣ. На горизонтѣ были видны какія то бѣлыя облака. Сначала я ни за что не могъ повѣрить, что это были снѣговья вершины Кавказскихъ горъ; но, присмотрѣвшись, я увидѣлъ двѣ снѣжныя, конусообразныя вершины знаменитаго Эльбурса. Было немного пасмурное, холодное утро и можетъ быть вслѣдствіе этого въ представлявшейся картинѣ не показалось мнѣ рѣшительно ничего достопримѣчательнаго; первая мая встрѣча съ видомъ Кавказа не произвела на меня никакого впечатлѣнія.

Отъ станціи Минеральныхъ водъ идутъ вѣтви желѣзныхъ дорогъ въ Желѣзноводскъ, Пятигорскъ и Кисловодскъ. Мы сначала отправились въ Желѣзноводскъ, для чего надо было ѣхать на станцію Беш-

тау, откуда одна вѣтвь жел. дор. идетъ на Желѣзноводскъ, а другая на Пятигорскъ и Кисловодскъ. На пути къ станціи Бештау предъ нашими глазами почти все время виднѣлась Змѣиная гора, представлявшая собой громадный холмъ; видны были и другіе такіе же гигантскіе холмы. По обѣимъ сторонамъ дороги разстилались роскошные ковры великолѣпнѣйшаго хлѣба и дивныхъ травъ съ разноцвѣтными цвѣтами. Хорошо и на станціи Бештау! Это было, я помню, часовъ въ 6 утра. Была прекрасная погода. По синеватому утреннему небу ходили нѣжныя, бѣлыя облака, какія бываютъ у насъ только ранней весной; свѣжій, тонкій туманъ облегалъ чуть замѣтной бѣлой пеленой горный лѣсокъ и разсѣивался; вѣтерокъ трепеталъ росистыя листья свѣснаго зеленаго вяза, дуба, ясени; они столпились у рельсоваго пути, какъ бы неохотно пропуская лѣсную тишину этой дороги въ широкую даль, туда, откуда придетъ новая грядущая жизнь, полная шума, счастливая, какъ это прекрасное солнечное утро! Мы всѣ, видимо, находились подъ впечатлѣніемъ свѣжести этого утра и стояли на широкой каменной платформѣ станціи въ ожиданіи поѣзда въ Желѣзноводскъ. Наконецъ, подали паровозъ — „кукушку“ съ двумя маленькими пассажирскими вагонами. Паровозъ находился позади, чтобы удобнѣе было ему подталкивать вагоны по горнымъ уклонамъ. Намъ предоставили передній вагонъ второго класса; значитъ, мы находились впереди всѣхъ, и не было передъ нами этихъ заслоняющихъ стѣнъ переднихъ вагоновъ, которыя всегда досадливо торчатъ предъ глазами. Съ шумной радостью поспѣшили мы размѣститься на передней площадкѣ. „Вотъ, наконецъ, начинается царство чудесъ природы и райскихъ картинъ! вотъ, наконецъ, начало Кавказа, о которомъ я слышалъ столько восхваленій!“ подумалъ я. Ожиданія не обманули меня. Поѣздъ бѣжалъ по крутизнамъ и зигзагамъ среди чуднаго лѣса! Но лучше всего былъ ароматическій, легкій, сладкій воздухъ, который вдыхали мы съ удивленіемъ и восторгомъ! Всѣ эти впечатлѣнія являлись для насъ новымъ, и такъ все непохоже было на то однообразіе скучныхъ равнинъ, которое мы до сихъ поръ видѣли. То виднѣлись горные обвалы глины и на днѣ оврага журчалъ ручей, то съ высоты горы разстился предъ нами чудный коверъ зелени и одинокіе огромные холмы, виднѣвшіеся то тамъ, то сямъ, то вѣзжали мы въ густую чащу деревьевъ и влажный ароматный воздухъ обдавалъ насъ своею прохладой. Невозможно описать того, что можно понять только, ощущая собственными нервами и переживая на самомъ себѣ!

Паровозъ быстро домчалъ насъ до станціи Желѣзноводскъ. Желѣзноводскъ—небольшое лѣчебное мѣстечко, состоящее всего изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ. Мы осмотрѣли здѣсь зданія для больныхъ съ ваннами и грязелѣчебницами; зданіе устроено въ мавританскомъ вкусѣ и очень красиво; посѣтили также роскошный паркъ у подошвы Желѣзной горы, въ которомъ находятся лѣчебные, желѣзно-щелочные источники.

Навстрѣчу намъ попадалась все публика, видимо, пріѣхавшая сюда лѣчиться: лица все томныя, болѣзненныя. Пробывъ часа три въ Желѣзноводскѣ и не дождавшись поѣзда желѣзной дороги, мы пѣшкомъ по шоссеиной дорогѣ черезъ лѣсъ отправились обратно на станцію Бештау, тѣмъ болѣе что разстоянія было всего 5—6 верстъ. Навстрѣчу намъ попадались часто бѣдные, оборванные горцы на своихъ скрипучихъ арбахъ. Говорятъ, что они ихъ никогда не подмазываютъ и даже обижаются, когда имъ совѣтуютъ сдѣлать это: „что мы разбойники, что будемъ ѣхать тайкомъ?!“ отвѣчаютъ они. Нигдѣ я не видалъ такого бѣднаго, такого оборваннаго люда, какъ здѣсь. Послѣ этой пріятной прогулки, мы немного отдохнули на станціи Бештау и въ 12 часовъ съ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ отправились въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ небольшой уѣздный городокъ, расположенный у подошвы горы Машука. Черезъ весь городъ идетъ красивый бульваръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены довольно порядочные дома, духаны т. е, харчевни, гостиницы и проч. Первое, что бросается въ глаза въ Пятигорскѣ, это его видимая скука: воображаю, что было здѣсь въ сороковыхъ годахъ, во времена Лермонтова! Только теперь я понялъ, какъ скучна и тѣсна была обстановка общественной жизни для безвременно погибшаго поэта! Въ центрѣ Пятигорска устроены величественный соборъ, въ оградѣ котораго воздвигнуть кавказскому герою графу Евдокимову памятникъ съ семейнымъ склепомъ. Противъ него на площадкѣ находится памятникъ М. Ю. Лермонтову. Памятникъ изъ рукъ вонъ плохой; на немъ Лермонтовъ больше сходства имѣетъ съ пожарнымъ, чѣмъ съ писателемъ. Лермонтовъ изображенъ въ сидячей позѣ; подперши щеку рукой, задумчиво смотритъ онъ на чудный видъ города и окрестностей, которыя разстилаются передъ нимъ. Хотя памятникъ самъ по себѣ не способенъ былъ произвести впечатлѣніе, но цѣлый рой мыслей обуялъ меня.... Немногіе дѣйствительно понимаютъ этого поэта и оттого имъ недоступенъ тотъ глубокій интересъ, который представляютъ намъ произведенія Лермонтова.

Поэзія его можетъ быть главнымъ образомъ интересна, какъ исторія внутренней жизни одного изъ замѣчательныхъ людей. Въ его душѣ разыгралась обычная трагедія, заключающаяся въ утратѣ вѣры въ Бога и въ нравственный міропорядокъ и въ презрѣніи къ людямъ. Лермонтовъ въ послѣдніе дни своей жизни былъ человѣкъ невѣрующій, разочарованный и озлобленный.

„Сначала и онъ вѣрилъ и любилъ,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый“.

Но это было въ дни дѣтства... Очень скоро дѣйствительность навела его на сомнѣнія и размышленія. Сначала ему казалось, что люди безнравственныя, ничтожныя созданія, дѣйствующія только по эгоистическимъ мотивамъ и прикрывающія ихъ мишурой хорошихъ словъ и упованій; потомъ, разобравшись въ самомъ себѣ, онъ нашелъ, что и самъ онъ не лучше другихъ, наконецъ, онъ сталъ сомнѣваться въ возможности вообще для человѣка дѣйствовать по другимъ мотивамъ, кромѣ эгоизма; онъ усумнился во всемъ: въ нравственномъ добрѣ, въ людяхъ и разумной цѣли жизни. Онъ далъ полную волю своимъ страстямъ и своему жаждущему ощущеній животному „я“. Онъ жилъ для желаній, въ погонѣ за минутными, пустыми развлеченіями. Но такое духовное оскудѣніе лишь наполнило его сердце безысходною скукою, тяжелымъ чувствомъ пустоты и одиночества, и вотъ онъ пишетъ свое знаменитое стихотвореніе, въ которомъ вылилась вся душа поэта въ послѣдніе годы его жизни:

И скучно, и грустно и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Писать!... что пользы напрасно и вѣчно писать?
А годы проходятъ—все лучшіе годы!
Любить, но кого же? на время, не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
Въ себя ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно.
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!

Да, дѣйствительно, для Лермонтова въ Пятигорскѣ жизнь была „пустая и глупая шутка“, она была безцѣльна: въ будущемъ ничего

не было для поэта, никакой свѣтлой точки или идеала, а потому и прошлое потеряло для него свой смыслъ: „и радость и муки, и все тамъ ничтожно!“ Жизнь томила его. Говорятъ, что улыбка радости играла на лицѣ Лермонтова, въ моментъ бессмысленной дуэли съ Мартыновымъ. Всѣ, кто знали Лермонтова, описываютъ его, какъ чело-вѣка загадочнаго; большіе темные глаза его смотрѣли холодно, тя-желымъ неприятнымъ взглядомъ. Всѣ чувствовали съ нимъ неловкость. Жизнь Лермонтова прервалась на самомъ критическомъ моментѣ его духовнаго развитія, и въ высшей степени интересно, что было бы потомъ съ этимъ титаномъ, если бы смерть не прекратила его жизни. Душевная драма Лермонтова напоминаетъ собой и Толстовскую... Какъ много общаго въ психологіи всѣхъ людей: всѣ эти Гамлеты, Фаусты, Печорины, Левины и проч. созданы изъ одной и той же тины, только на разный манеръ, смотря по мѣстнымъ условіямъ! Глубоки вопросы, затрагиваемые этими людьми, и отъ Будды вплоть до нашихъ дней всѣ люди переживаютъ одно и то же...

Однако жара стояла невыносимая. Было около двухъ часовъ дня, но новыя мѣста были такъ интересны, что преодолевая жару, вся наша компанія двинулась далѣе. Бульваръ скоро кончался и начиналась гора Машукъ, по которой въ началѣ были проложены дорожки зигза-гами. На довольно большой высотѣ встрѣтили мы гротъ Лермонтова, представляющій круглую глубокую пещеру въ горѣ. Отсюда открыва-ется чудный видъ на городъ. Внутри пещеры на желѣзной плитѣ высѣчено стихотвореніе въ память Лермонтова какого-то бездарнаго поэта, и даже безграмотное. Изъ этого стихотворенія можно только понять, что здѣсь Лермонтовъ часто любилъ писать стихи. Отдохнувъ здѣсь, мы отправились осмотрѣть такъ называемый *провалъ*. Но я вскорости отсталъ отъ своихъ товарищей и предпочелъ итти въ городъ, чтобы отыскать домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ. Съ трудомъ отыскалъ я этотъ домикъ, такъ какъ мало кто зналъ его.

Наконецъ я пришелъ на какую-то загородную площадь; вправо стояли казармы, прямо напротивъ возвышалась бѣлая стѣна, окружав-шая церковь. На площади, поросшей подорожной травой, было без-людно и скучно, какъ всегда въ уѣздномъ городѣ. Прошли мимо меня два солдата, видимо писаря. Я спросилъ у нихъ, не знаютъ ли они, гдѣ находится домъ, въ которомъ жилъ поэтъ Лермонтовъ? Солдаты переглянулись и отрицательно покачали головой, и когда отошли отъ меня два шага, засмѣялись. Это опечалило меня. Я пошелъ наудачу

искать новыхъ прохожихъ. У раскрытаго окна одного дома стоялъ какой-то прилично одѣтый молодой человекъ съ дамой. Я спросилъ у нихъ. Долго они думали, стараясь припомнить: они что-то слышали про Лермонтова, но гдѣ находился его домъ, не помнили. А домикъ находился тутъ же рядомъ! объ этомъ я догадался, вспоминая когда-то видѣнныя мною фотографіи. Я вошелъ во дворъ, на которомъ никого не было, кромѣ куръ, и прошелъ въ кухню. Здѣсь встрѣтилась дѣвушка, которая подтвердила мое предположеніе и повела меня показать комнаты. Домикъ, отремонтированный и значительно передѣланный, принадлежитъ частному лицу и отдается въ наемъ. Памяти Лермонтова не пощадили. Остались только двѣ старыя акаціи у окна въ саду. „Здѣсь вотъ онъ свои стихи часто писалъ“, сказала мнѣ провожатая, указывая на небольшую комнату съ однимъ окошкомъ въ садъ, изъ котораго виднѣлся городъ. Видъ открывался отсюда прекрасный и дѣйствительно располагалъ къ вдохновенію: тишина и зелень сада, городъ вдаль и голубыя небеса, направо зеленая, громадная гора Машукъ... Вечеромъ здѣсь должно быть было еще лучше. Почему-то мнѣ тогда сами собой вспомнились стихи:

„Ужъ за горой дремучей
Погасъ вечерній лучъ...
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы—хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.“

Осмотрѣвъ домикъ, я отправился на вокзалъ, гдѣ меня ожидали, чтобы въ 4 часа ѣхать въ Кисловодскъ. Долго я смотрѣлъ съ улицы на этотъ маленькій съ тремя окнами, обложенный кирпичемъ, домикъ. Направо шумѣли въ саду акаціи и грустенъ былъ ихъ шопоть; знойная тишина казалась вѣчною; въ нее все погружается, въ ней все исчезаетъ, какъ въ горнилѣ безконечнаго движенія и матеріи... Усталый побрелъ я по известковымъ улицамъ Пятигорска. Въ головѣ остались только два представленія: лѣсъ въ Желѣзноводскѣ и домикъ Лермонтова. Бѣдный Лермонтовъ! Его теперь точно не читаютъ и не внимаютъ тому, что онъ писалъ отъ своего сердца! Пустая толпа не знаетъ даже, кто онъ былъ и гдѣ онъ жилъ!

На вокзалѣ съ нетерпѣніемъ ожидали опоздавшихъ, и какъ только всѣ собрались, съ первымъ попавшимся поѣздомъ мы поѣхали въ

Кисловодскъ. Было уже часовъ 5 по полудни. Въ Кисловодскѣ для насъ обѣдъ былъ приготовленъ заранѣе и что это былъ за вкусный обѣдъ! Пообѣдавъ и поблагодаривъ Вячеслава Ивановича, мы разбрелись осматривать Кисловодскъ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза въ Кисловодскѣ, это ровная, высокая аллея пирамидальныхъ тополей. Далеко виднѣлась она и стройно поднимались вверхъ величественныя деревья, какъ высокій, чудный аккордъ, идущій къ небесамъ! Аллею эту насадилъ князь Воронцовъ, бывшій намѣстникъ Кавказа, ему же принадлежитъ и устройство галлерей Нарзана, которая находится какъ разъ въ началѣ этой аллеи. Галлерей занимаетъ самый центръ Кисловодска и представляетъ собою очень красивое зданіе мавританской архитектуры. Передъ галлереей чистая, вымощенная площадь. Галлерей довольно длинная; въ концѣ ея находится знаменитый источникъ Нарзанъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. Источникъ вѣчно бурлитъ и какъ бы кипитъ; что-то притягательное онъ имѣетъ въ себѣ. Двѣ барышни услужливо наливаютъ въ стаканы воду Нарзана и передаютъ ее посѣтителемъ. Вода Нарзана въ стаканѣ прозрачна, холодна и пѣнится отъ присутствія въ ней угольной кислоты. На вкусъ она кисловата и слегка щиплетъ языкъ. За галлереей идетъ паркъ, который представляетъ, можно сказать, одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Но прежде чѣмъ попасть въ собственно тѣнистый, влажный паркъ, нужно пройти площадку,—мѣсто гулянья кисловодской публики. Когда мы вошли на эту площадку, множество публики сидѣло кругомъ по скамьямъ и только немногіе, больше дѣти, гуляли посрединѣ. /Какихъ только костюмовъ тутъ не было, сколько тутъ было изящныхъ фігурокъ, шляпокъ съ лентами и перьями! Даже неловко стало отъ множества глазъ и элегантнаго общества: казалось, что почти всѣ смотрѣли на насъ, тѣмъ болѣе, что мы одѣты были по дорожному. Пройдя площадку для публики, мы вступили въ чудеснѣйшій кисловодскій паркъ. Гигантскія деревья шепталисьверху, открывая и закрывая голубыя клочки неба, по которому ходили облака; величественныя, довольныя, казалось, они говорили о всемогуществѣ и благодати природы, устроенной Великимъ Творцомъ. Внизу, у аллеи журчала, играя, рѣчка Ольховка; обаятельная тѣнь, умѣренное тепло, сладкая, южная нѣга и ароматный воздухъ очаровываютъ посѣтителя. Удивительное настроеніе порождаетъ этотъ паркъ! Воочию, непосредственно ощущаемъ величіе и благодати Божьяго міра, вся душа проникается торжественнымъ религіознымъ чувствомъ и любовью къ природѣ; мнѣ кажется, кто бы

ни былъ здѣсь, всякій невольно, даже противно своимъ мыслямъ, обратился бы душою къ Божеству. Съ другой стороны, горный воздухъ, счастье земного довольства, разлитого кругомъ, охватываютъ васъ всей силой страстнаго увлеченія: сердце всегда хотѣло бы такъ жить, какъ теперь.

Поздно вечеромъ вернулись мы изъ Кисловодска на станцію Минеральныя воды. Здѣсь мы нашли свой вагонъ на третьемъ пути за станціей. (Съ нашимъ вагономъ Общ. Юго-Зап. ж. д., въ которомъ мы всегда путешествовали и въ которомъ и ночевали на всѣхъ стоянкахъ, насъ не пустили по горнымъ дорогамъ, не приспособленнымъ вообще къ такимъ тяжестямъ, какъ нашъ вагонъ). Шелъ сильный дождь, который скоро пересталъ. По небу ходили сѣрыя, плотныя тучи, которыя вѣтеръ быстро куда-то гналъ. Отъ земли пошелъ теплый паръ. На станціи тамъ и сямъ блестѣли отъ фонарей лужи. Изъ оконъ нашего вагона лился яркій свѣтъ и слышался говоръ, звонъ чашекъ и серебряныхъ ложекъ. Тамъ пила чай наша компанія, въ одинъ день испытывавшая столько впечатлѣній послѣ посѣщенія Желѣзноводска, Пятигорска и Кисловодска! Долго между нами шелъ оживленный обменъ мыслей и впечатлѣній, пока, совершенно усталые, мы не улеглись на покой. И пора было! Уже чуть брезжило утро. Прокричалъ пѣтухъ, далеко, далеко гдѣ-то просвистѣлъ паровозъ, и тоскливо сжалось мое сердце по тому, что осталось за тысячи верстъ...

Военно-грузинская дорога.

На слѣдующій день, 17-го іюня утромъ, часовъ въ 10, мы были уже во Владикавказѣ. Владикавказъ—чистенькій, красивенькій городокъ, расположенный у подножія Черныхъ горъ. Отсюда-то, въ нѣсколькихъ верстахъ, начинаются настоящія Кавказскія великаны-горы. Во Владикавказѣ мы пробыли всего нѣсколько часовъ и, пообедавъ, поспѣшили въ дорогу. Мы наняли четыре весьма удобныхъ, исправныхъ линейки и отправились въ нихъ въ двухсотверстное путешествіе до Тифлиса. Этотъ путь и называется Военно-грузинской дорогой. На каждую линейку приходилось насъ по 5—7 человѣкъ, которые составляли компанію товарищей наиболѣе сблизившихся между собой: каждый выбиралъ себѣ мѣсто и товарищей по своимъ симпатіямъ. Какое-то радостное, легкое чувство ощущали мы, когда тронулись въ путь съ почтоваго двора. Осторожно, но быстро проскочили линейки въ ворота, завернули по улицѣ на право и загрохотали по булыжной